

- 6 МАЯ 1933

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО — ДРАМАТУРГ

Вопрос о советской комедии вообще стоит остро, а об одноактной — особенно. Одноактная комедия-водевиль была в ходу в период расцвета «Синей блузы». Однако она слишком часто оказывалась только «схемой смеха»: амплуа резонера в ней было, пожалуй, самым важным, роль «ведущего» — основной ролью.

В своих комедиях «Преступление и наказание» и «Свадьба» Зощенко обошел эти подводные камни. В обеих комедиях — полноценный сюжет и полноценное слово.

Обычно говорили, что в основе новелл Зощенко лежит сказ. Но упустили из виду, что в них немало и действия, по крайней мере потенциального. Эту драматическую потенцию Зощенко и извлек из своих новелл.

У анекдотической новеллы неплохая традиция. И пьесы из нее вырастали неплохие. Чехов тому своей «Свадьбы» тоже взял из собственной новеллы. И в сущности в «Свадьбе» Зощенко предстает мелкий буржуа чеховской «Свадьбы», деформированный революцией.

У Чехова обыватели двух родов: одни гордятся своим принципиальным невежеством, а другие «хочут свою образованность показать и говорят о непонятном». То же и у Зощенко.

Но иные герои зощенковских пьес тоскуют по ушедшей романтике. Это — обыватели старшего поколения. «Другой век, — говорит отец из «Свадьбы», — грубые нравы. Романтизму нету — человеку спокойно вышить не дают, задерживают... «Романтизм» этого последнего из могикан особенно оттеняется изысканностью его лексикона и тонкой внешней культурой. «Не мог заранее объявиться... — говорит он о женихе, зашедшем в парикмахерскую. — Да я, черт возьми, может, за месяц готовился к таинству брака. Может, и за полгода сходил в баню и в парикмахерскую».

Бороватый и трусливый завяг Горбушкин, сбывающий скупщику кооперативный сахар. Его толстая пугливая и глупая жена. Оборотистый братец, мгновенно распродающий все имущество Горбушкиных и заставляющий сестру в срочном порядке выйти замуж за жадного и жуликоватого соседа. Пьяница-тесть, мечтающий о романтике с закуской. Жених с уголовным прошлым. Шарлатан-приятель.

Вот эти люди — хлам наследья
былых нечестных, лживых лет.
... Итак, веселая комедия,
но иррациональный в сущности сюжет.

Это — слова Эмиля Кроткого к радиопостановке «Преступления и наказания».

«Я только пародирую... Оттого темиз моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как-раз по плечу моим читателям»...

Так говорил Зощенко несколько лет назад. Но это была фраза. Потому что в основном герой Зощенко не мог и не может быть его читателем. Это неверно, что он по гоголевскому слову будет смеяться над собой. Он не почувствует персонажа, пройдет мимо стилизованного и языкового гротеска.

Буржуазная критика одно время любила отождествлять писателя с его героем. С Зощенко случилось другое. Его героя спутали с его читателем. И прославили Зощенко мещанским писателем.

Это заблуждение. Читатель Зощенко другой.

У зрителя Зощенко ничего общего с его персонажами, и пьесы его лишены всякой риторики. Она не нужна: герой Зощенко, который впервые появляется в действии, предстает перед читателем его пьес и будущим зрителем во всей своей неприглядной красе. Сочувствия он не вызывает. И этим показом Зощенко апеллирует к советскому зрителю, который смеется хорошо, потому что не он герой зощенковских комедий, и смехом убивает этого героя.